

Сюй Шандэ уставился на Яо Яньцина, издавая нечленораздельные звуки. Яо Яньцин медленно прошелся перед ним, вытащил изо рта шелковый платок, которым тот был заткнут, и, не дав ему выкрикнуть ругательства, крепко сжал его подбородок, лишив возможности говорить.

— Если осмелишься еще раз изрыгать грязные слова в моем присутствии, я вывихну тебе челюсть, — холодно произнес Яо Яньцин, его глубокие глаза излучали ледяной холод.

Сюй Шандэ содрогнулся под взглядом этих необычайно красивых глаз, и в его сердце на мгновение вспыхнул страх. Он едва заметно кивнул.

Яо Яньцин усмехнулся, отпустил его и, достав из широкого рукава простой платок, начал вытирать пальцы, явно выражая отвращение.

— В этом году цена на зерно немного поднялась, но за один доу нового риса требуется всего шесть монет. Господин Сюй, знаете ли вы, на сколько хватит одного доу риса для семьи из четырех человек? Его хватит на целых десять дней, а за год это обойдется чуть больше двухсот монет. Сколько жителей в Сучжоу? Согласно подсчетам, сделанным во времена покойного императора, семье из четырех человек даже не потребуется двухсот монет за год. Господин Сюй, объясните мне, почему в Сучжоу люди страдают от голода, что привело к бунтам?

Сюй Шандэ, выходец из дома маркиза Сюаньпина, откуда ему знать, сколько стоит один доу риса или сколько зерна требуется семье на день? Под резким допросом Яо Яньцина в его глазах наконец промелькнула паника, и он инстинктивно отвел взгляд от пронзительных глаз собеседника.

Яо Яньцин взмахнул рукавом и вернулся на свое место, с высоты наблюдая за Сюй Шандэ.

Сюй Шандэ стиснул зубы, лоб его покрылся холодным потом. Хотя он уже был напуган, он не осмеливался произнести ни слова. Он верил, что его отец найдет способ его спасти, если он не станет говорить. Если же он откроет рот и вовлечет в это дело других, даже Будда не спасет его жизнь.

На лице Яо Яньцина играла легкая улыбка, выражающая полное спокойствие. Он знал, что запугивание — это лишь начало, чтобы заставить такого человека, как Сюй Шандэ, заговорить. Его предыдущие слова были лишь для того, чтобы заткнуть рты окружающим, чтобы его не обвинили в использовании служебного положения для сведения личных счетов.

— Похоже, господин Сюй не хочет говорить, — Яо Яньцин скользнул взглядом по меняющемуся лицу Сюй Шандэ и внезапно резко крикнул:

— Ослабьте господину Сюй кости. Возможно, после этого он захочет рассказать то, что знает.

Сюй Шандэ не ожидал, что Яо Яньцин осмелится подвергнуть его пыткам, и тут же закричал:

— Наглец! Ты знаешь, кто я? Ты осмелился подвергнуть меня пыткам? Завтра же тебя лишат должности!

Яо Яньцин, проработавший четыре года в Министерстве наказаний в прошлой жизни, часто слышал подобные угрозы. Однако те, кто их произносил, обычно лишались должностей, а иногда и голов. Он знал, что бить нужно в самое больное место, и если уж решился нанести удар, то не должен давать противнику шанса на ответный удар.

— Скажите, господин, сколько ударов нужно нанести? — охранник, взвешивая в руке прут,

ухмыльнулся, обнажив белые зубы.

Яо Яньцин прищурился и холодно ответил:

— Бейте, пока он не заговорит.

С самого начала Яо Яньцин не собирался выбивать признание из У Маочэня. Точнее, он не хотел, чтобы это сделал он сам. Такую заслугу он пока не мог себе позволить, ведь он не хотел стать мишенью для всех. Поэтому он начал с Сюй Шандэ. Хотя в этом был его личный интерес, это был также наиболее выгодный для него выбор. В деле о казнокрадстве в Сучжоу ему достаточно было получить лишь половину заслуг.

Яо Яньцин, решив подвергнуть Сюй Шандэ пыткам сегодня, был полон решимости заставить его заговорить, чтобы в будущем избежать обвинений.

Сюй Шандэ, хотя и был вторым сыном маркиза Сюаньпина, пользовался наибольшей любовью отца. По сравнению с другими братьями, он был единственным, кого можно было хоть как-то исправить. Благодаря вниманию маркиза, даже мать и весь дом маркиза Сюаньпина относились к нему с особой заботой. Он был настолько избалован, что с детства к нему не прикасались даже пальцем, не говоря уже о таких пытках. Поэтому, как только прут коснулся его тела, он закричал и чуть не потерял сознание.

Охранник, нанося первый удар, слегка удивился, считая, что сила удара была умеренной и не должна была лишить человека половины жизни. Он с презрением усмехнулся над притворством Сюй Шандэ и, нанося второй удар, приложил уже восемьдесят процентов силы.

Сюй Шандэ закричал от боли, пот струился по его лбу.

Яо Яньцин хладнокровно наблюдал за этим. Для такого избалованного молодого человека достаточно было нескольких ударов, чтобы заставить его заговорить.

Он не ошибся. После седьмого удара Сюй Шандэ застонал и едва слышно попросил пощады.

Яо Яньцин, не меняя выражения лица, медленно спустился с возвышения, но не приказал остановить пытку. Он знал, что если не запугать его до конца, тот может и не сказать правду.

Штаны Сюй Шандэ были в крови, шелковая ткань прилипла к коже, и малейшее движение причиняло невыносимую боль. Когда охранник нанес пятнадцатый удар, он взглянул на Яо Яньцина. Хотя он использовал лишь шестьдесят-семьдесят процентов силы, для такого изнеженного молодого человека, как Сюй Шандэ, дальнейшие удары могли лишить его половины жизни.

Яо Яньцин не хотел, чтобы тот умер на его руках. Признания живого человека были гораздо ценнее, чем мертвого. Он присел на корточки, крепко сжал подбородок Сюй Шандэ, почти впиваясь пальцами в его кожу, и холодно произнес:

— Я спрашиваю — ты отвечаешь. Если не заговоришь, то больше никогда не откроешь рта.

Сказав это, он легонько хлопнул его по щеке и вернулся на свое место.

Сюй Шандэ содрогнулся под ледяным взглядом Яо Яньцина и, спустя некоторое время, хриплым голосом произнес:

— Хотя я занимался подсчетами, но это заместитель министра У сказал мне, сколько серебра нужно использовать. Я лишь заполнял счета.

— Он сказал тебе заполнить счета, и у тебя не возникло вопросов? — холодно спросил Яо Яньцин.

Сюй Шандэ горько усмехнулся:

— Я всего лишь мелкий чиновник шестого ранга, переведенный в Министерство финансов в середине прошлого года. Когда я в этом году внезапно взялся за это дело, у меня не было возможности задавать вопросы. Господин Яо, вы тоже недавно на службе. Разве вы осмелились бы задавать вопросы своему начальнику?

— Это ложь. Обычный чиновник, конечно, не осмелился бы задавать вопросы У Маочэню, но ты ведь из дома маркиза Сюаньпина. Разве У Маочэнь мог относиться к тебе так же, как к другим? — Яо Яньцин усмехнулся.

Сюй Шандэ зашевелил глазами, но, прежде чем он успел что-то сказать, Яо Яньцин холодно произнес:

— Если из собачьей пасти не слышно правды, то язык тебе больше не нужен.

Если бы он не испытал на себе этих пыток, Сюй Шандэ мог бы подумать, что Яо Яньцин просто пугает его. Но после этих ужасных ударов он больше не считал Яо Яньцина беззубым тигром. Этот тигр, хотя и молод, имел острые клыки, способные отнять у человека половину жизни.

— Господин Яо, вы не знаете, но это уже стало традицией, о которой все знают. Каждый раз, когда выделялась сумма серебра, заместитель министра У откладывал пять тысяч лянов для подарков подчиненным. Получившие серебро больше не задавали вопросов, — дрожащим голосом сказал Сюй Шандэ.

— Значит, ты получил всего пять тысяч лянов? — Яо Яньцин прищурился, смотря на Сюй Шандэ с усмешкой.

Сюй Шандэ слегка кивнул, но Яо Яньцин резко ударил по столу и громко крикнул:

— Похоже, без крови ты не научишься говорить правду.

Эти слова могли обмануть только новичка на службе, но в присутствии Яо Яньцина такая ложь была просто смешной. Пять тысяч лянов для других могли быть огромной суммой, но для Сюй Шандэ, выходца из дома маркиза Сюаньпина, такая сумма не стоила того, чтобы рисковать.

— Заместитель министра У откладывал пять тысяч лянов для подарков подчиненным, а главный чиновник получал двадцать тысяч лянов, — быстро произнес Сюй Шандэ, боясь получить еще одну порцию ударов.

Теперь это звучало правдоподобно. Яо Яньцин усмехнулся и с сарказмом сказал:

— У вашего начальника рука легка. Он ел мясо, но не забывал дать вам попить бульона.